

В поисках утраченного солнца

«Остров» Павла Лунгина: мы нашли место в мире, но не нашли мира в душе

В ФИЛЬМЕ «ОСТРОВ» РЕЖИССЕР НАЦУПАЛ БОЛЕВУЮ ТОЧКУ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

КАРИНА ПАВЛА ЛУНГИНА – ПРИТЧА ОТ ПЕРВОГО ДО ПОСЛЕДНЕГО КАДРА.

Екатерина Барабаш

«Не убивайте, пожалуйста!» – истошно кричит молоденький моряк под дулами немецких автоматов. Ладно, живи, только убей капитана. И мертвый капитан валится за борт. Баржу немцы, отплывая, взрывают, а моряка спасают монахи ближайшего монастыря... Так начинается фильм Павла Лунгина «Остров».

Прощение приходит неожиданно, в виде того самого капитана, чудесным образом выжившего, теперь уже адмирала (Юрий Кузнецов), что привез на остров к отцу Анатолию невменяемую дочь. «Она здорова, – уверяет старец, – просто бес в нее вселился». «А ты откуда знаешь?» – удивляется не узнавший своего убийцу капитан. «Я с ним знаком», – лаконично объясняет тот. Изгнав из девушки бесов и поговорив с капитаном, отец Анатолий спокойно умирает.

Конечно, на первый взгляд все это похоже на драматургические натяжки и сценарные огрехи – и изгнание бесов, и чудесное спасение капитана, и «запрограммированная» смерть. Не говоря уж о том,

Раскаяние переполняет, берedit душу, а прощение не приходит

1976 год. Старец Анатолий (Петр Мамонов), послушник монастыря, работает в местной котельной и время от времени помогает приплывшим на остров мирянам. То девчонку от аборта отговорит, то хромого мальчика на ноги поставит. И все время ерничает, вступая в перепалку то с настоятелем монастыря отцом Филаретом (Виктор Сухоруков), то с «завхозом» отцом Иовом (Дмитрий Дюжев). Больше тридцати лет несет в себе старец тяжкий грех убийства. Истоиво таскает уголь в котельную, словно бы таская в огне сжечь страшный грех. Раскаяние переполняет, берedit душу беспрестанно, рыдая, возносит он молитвы, а прощение не приходит. И умереть хочется, да без прощения как в гроб ложиться? Он не боится умирать – перед Богом боится предстать. А умереть готов, даже гроб в котельной поставил, один шаг – и он уже там.

что в 76-м не могли страждущие в таких количествах кататься к старцу – в стране цвел махровый застой. Некоторые эпизоды могут восприниматься как архитектурные излишества, что тоже есть драматургические огрехи. Например, сцена, когда отец Анатолий сжигает в топке дорогие сапоги настоятеля, подарок Патриарха. Гори, мол, все мирское и лишнее. Вероятно, все это так и есть, но только в том случае, если а) все время помнить о том, что Павел Лунгин – режиссер, далекий в своих фильмах от глубоких духовных исканий, и б) если вообще все происходящее в этом фильме воспринимать буквально. А вот этого делать совсем не надо.

«Остров» – это притча от первого до последнего кадра. Для кого-то история бывшего матроса может стать чем-то вроде транквилизатора: даже самый страшный грех – убийство – может быть прощен, и

Петр Мамонов среди красот северной природы.

Фото с официального сайта фильма «Остров»

Бог пришлет прощение через человека, как прислал отцу Анатолию в образе выжившего капитана. «Я тебя давно простил», – кто, как не Бог, вкладывает эти слова в уста постаревшего моряка? Кто-то, не особо задумываясь над религиозной, православной составляющей притчи, увидит в фильме цепочку чудес, в которые хочется верить и порой верится даже самому завзятому атеи-

сту. Быть может, кто-то задумается о той духовной опустошенности, что стала чуть ли не символом России, пережившей революцию, Гражданскую войну, идеологическое помешательство, гонения на церковь. Многие церковники наверняка скажут, что все в этом фильме неправильно, что юродство – не высший тип святости. А кто-то будет просто любоваться красога-

ми северной природы и блистательной игрой Петра Мамонова.

Правы будут все. Это не значит, что Лунгин угодил всем, это значит, что режиссер нацупал болевую точку, как в 90-м нацупал ее в фильме «Такси-блюз». Тогда заблудившаяся в перестройках, демократиях Россия пыталась найти место в мире. И главный герой фильма, которого, кстати, играл Мамонов,

тоже искал место под солнцем. Сейчас Россия, похоже, нацупала свое место под солнцем. Только солнца нет. И если герой первого лунгинского фильма искал место в мире, то герой новой картины уже ищет мира в душе. Душа без мира – что нераскаившийся грешник. Трудно быть грешником. Для тех, кому неинтересны долгие умуопутешествия, это и есть мораль фильма. ■